

"Иди и подай это сам. Я не могу дожидаться, просто возьми кастрюлю и подавай".

"Увы! О чем ты говоришь, Зик, она леди, поэтому я бы не поступил так невежливо ... Дай мне кусок ткани, край этого горшка немного горячий, так что он горячий, когда я подниму его" .

Глядя на пару пухлых рук, протянутых перед ним, Зик сделал глубокий вдох, опустил голову и дружелюбно улыбнулся.

То, что Зик вручил ей, было не тканью, а парой глаз мертвой рыбы, полных опасности и тьмы.

Затем он схватил маленькие толстые руки.

"Пойдем, здесь не так жарко. Где тебе нужна ткань? Просто положи это. Что? Ты так не думаешь? Хорошо, я покажу тебе, попробуй сама".

Зик сказал очень любезно, и с парой злобных глаз мертвой рыбы это было похоже на сцену с извращенным убийцей в триллере.

Киана покрылась холодным потом, но все же притворилась спокойной и сказала:

"Зик! Успокойся, успокойся! Не вмешивайся, эту даму не так-то просто запугать... ах! Баста, баста! Это произойдет! В таком месте это невозможно сделать! Я ошибаюсь! Я ошибаюсь, хорошо?!?"

За несколько мгновений до того, как она собиралась опустить пухлые руки в кастрюлю, Зик остановился.

"Что происходит?"

"Неправильно ... неправильно ... Остров Пхукет ..."

"Будь милой".

"Вау".

Зик отпустил руки Кианы, поднял миску, наполнил лапшой и сунул ее в руки Кианы.

Затем, встретив облегченный взгляд Кианы, Зик медленно сказал::

"Во-первых, неправильно прерывать мои мысли. Не только для меня, но и для любого, кто занимается чем-то серьезным, прерывать - это грубое поведение, постарай этого не делать, ты понимаешь?"

"Поняла, я знаю".

"Ты так прямо отвечаешь, ты со мной поверхностна?"

"Нет, нет, я действительно слушаю!"

Киана держала миску и подняла голову, чтобы извиниться перед ним.

Зик некоторое время пристально смотрел на нее, а затем продолжил:

"Я приму это так, как будто ты внимательно слушаешь. Во-вторых, невежливо брать горшок и

поглощать его. Вообще говоря, любое необузданное и чрезмерно самонадеянное поведение - это форма необразованной грубости. Например. Я знаю, что современные люди часто обращают внимание на освобождение природы и свободу личности, но природа и свобода - это две разные вещи, независимо от того, вежливы они или нет.."

С выражением, не знающим полуслова Кияны, Зик достал чистую тряпку, вытер масло с уголков ее рта и продолжил:

"Нам нужно встретить много-много людей в нашей жизни, и среди них есть только горстка близких людей, которые могут понять и принять все о нас. Это относится ко всем, и количество незнакомцев, которых мы встретим в нашей жизни, неисчислимо. Видение и отношение к вам зависят от вашего имиджа. А имидж - это половина внешнего вида, половина воспитания".

"Что касается внешнего вида, я уверен, что ты будешь великолепна сейчас и в будущем. А образование - это умение держать свои слова и дела при себе перед незнакомцами и даже людьми, которых ты ненавидишь. Звучит просто, но достичь этого сложно. Но я надеюсь, что ты сможешь. Поступить так из-за хорошего воспитания - значит стать... Забудь об этом, когда я этого не говорил, помни, не готовь это прямо во время еды".

В глазах Кианы уже кружились спирали комаров. Очевидно, этот парень не понимал более глубоких тренировок и обучения.

Зик обнаружил, что у него болят брови.

Это все равно что играть на пианино корове.

Зик гордился тем, что у него зрелая душа, и он не мог не хотеть дать образование Киане.

Но для Кианы, которая уже многое перенесла, возможно, важнее жить свободной и счастливой.

"Φy!"

Увидев, что Мэйцзи наслаждается макаронами, Сяо Баймао, который был совершенно отвлечен, тихо вздохнул. Забудь об этом, все кончено, дни еще длинные, посмотрим, как мы будем воспитывать ее потом.

"Ужас, Р-р!"

"Это вкусно!"

Произнеся в заключение после еды два многозначительных слова, Киана удовлетворенно похлопала себя по выпуклому животу, и ее личико покраснело от счастья.